
ФИЛОСОФСКИЕ СМЫСЛЫ ВИРТУАЛЬНОГО ГЕТТО

Вавилова Ж. Е.*

Геттоизация – один из симптомов трансформации социальной среды, механизм, грозящий стать системообразующей детерминантой нового общественного устройства, диалектически противостоящей процессам глобализации. Сегодня сегрегация охватывает не только географические пространства: она ложится в основу формирования специфических виртуальных локалов. Наблюдение за динамикой появления и функционирования виртуальных гетто необходимо для определения ориентиров развития сетевого общества. В настоящей работе гетто рассматриваются в контексте изолирующих процессов в обществе; анализируются различные подходы к определению виртуальных гетто; закрытое виртуальное сообщество осмысливается как пространство, в котором индивид пытается компенсировать расколотость экзистенции, обрести центрированность, пребывая при этом на периферии бытия.

Ключевые слова: виртуальное гетто, геттоизация, изоляция, Интернет, balkанизация Интернета, Сплинтернет, компьютерно-опосредованная коммуникация, идентичность, маргинализация.

PHILOSOPHICAL MEANINGS OF THE VIRTUAL GHETTO

Ghettoization is one of the symptoms of social transformation, a mechanism that threatens to become a system-forming determinant of a new social order, dialectically opposed to globalization processes. Today, segregation covers not only geographic spaces: it also forms specific virtual loci. Observing the dynamics of emerging and functioning of virtual ghettos is necessary to determine the landmarks for network society development. In this paper ghettos are considered in the context of isolating processes in society; various approaches to virtual ghettos are analyzed; closed virtual communities are comprehended as spaces, where a person tries to compensate for the fragmentation of existence, to gain centering, while remaining on the periphery of being.

Keywords: virtual ghetto, ghettoization, isolation, Internet, balkanization of the Internet, Splinternet, computer-mediated communication, identity, marginalization.

Изоляция в фокусе философского внимания

Пандемия, начавшаяся в 2019 г., стала триггером, запустившим перестройку общественной жизни, частично или полностью дислоцировав ее механизмы в онлайн-среду. Локдаун, ограничение перемещений в пандемию заставили многих

---

* Вавилова Жанна Евгеньевна – к. филос. н., доцент кафедры философии и медиакоммуникций Казанского государственного энергетического университета. E-mail: zhannavavilova@mail.ru.

Zhanna E. Vavilova – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy and Media, Kazan State Power Engineering University. E-mail: zhannavavilova@mail.ru.

обратиться к новым модусам коммуникации, обеспечивающим виртуальную жизнь: работа, общение, поиск товаров, досуг переместились в Интернет. Возврат к прежнему укладу интегрировал ряд практик, адаптированных населением планеты во время локдауна, включая удаленный режим работы и полное перетекание межличностного общения в мессенджеры и социальные сети, тем самым еще больше по сравнению с доковидным периодом цифровой эпохи разбалансировал жизнь индивида, сместив ее в виртуальный локус.

В поисках новых системообразующих детерминант социальной реальности современные исследователи столкнулись с непредвиденным, малопрогнозируемым явлением: изоляцией, от которой люди начинают сходить с ума, перестают доверять даже самым близким, опасаясь малейших симптомов заболевания, ожидая плохих новостей каждую минуту. Масштабы перемен поразили не только обывателей, вынужденных подчиниться режиму самоизоляции, но и научное сообщество [Chumakov, Yurchenko 2021: 158]. В начале 2022 г. изоляция в реальности усугубилась изоляцией виртуальной – отчуждением пользователей, проживающих на территории России, от многих ресурсов Сети. Феномен, идущий вразрез с курсом на инклюзию (в широком смысле слова – как включенность каждого члена социума в поток общественной жизни), заставил многих переосмыслить свое бытийное пространство как изолированное, дистанцированное от мира.

Работа посвящена рефлексии над изоляционными процессами и концептуализации такого понятия, как виртуальное гетто. Степень представленности этой проблематики в современном дискурсе философии и коммуникативистики не соответствует масштабам геттоизации, охватывающей виртуальное пространство, в связи с чем представляется необходимым рассмотреть основные подходы к определению виртуального гетто и предложить философское истолкование этого феномена.

В известном труде Мишеля Фуко «История безумия в классическую эпоху» обнажается связь между умалишенностью и изоляцией: прокаженные изгоняются из общества, а затем и из жизни, воспоминания о лепрозориях изглаживаются из памяти людей, но изолирующие институты сохраняются – чтобы принять новых изгнанников, в том числе безумцев. Сумасшествие занимает место проказы, замкнутое пространство становится естественным ареалом обитания умалишенных – например, на таинственных «кораблях дураков», куда из европейских средневековых городов ритуальным образом выселяются безумные чужеземцы. Безумие изолируется, маргинализируется, но изоляция, в свою очередь, поддерживает и распространяет безумие. С одной стороны, плавание отрезает сумасшедшего от общества, с другой – дарует ему особый статус обитателя пограничья: «...это плавание – всего лишь распространившееся вширь, на все полуреальное, полувоображаемое географическое пространство, пограничное положение безумца; он пребывает на той линии горизонта, которая очерчивает круг интересов средневекового человека, и это его положение и символично, и в то же время вполне реально, ибо ему дарована привилегия быть запертым у ворот города: исключенный из городской жизни, он превращается в заключенного, а поскольку у него нет и не может быть иной тюрьмы, кроме порога в буквальном смысле слова, то и держат его строго на линии границы» [Фуко 1997: 33].

Образ мореплавания издревле воплощает отстраненность от повседневности, остановку течения жизни [Агапов 2009: 106]. Погружение в сеть – тоже своеобразное мореплавание, отсюда и морская метафора (ср. англ. *surf* – прибой, заниматься серфингом, *surf the net* – сидеть в Интернете; фр. *naviguer* – плавать, *naviguer sur Internet* – сидеть в Интернете). Присутствие человека в сети всегда амбивалентно, оно есть всеприсутствие, вездесущность – то, что лежит в основе сетевого хронотопа, так же как и открытость целого океана для «корабля дураков»; но и здесь обнаруживаются черты гетто, пограничности, отчужденности. Цифровой кочевник, электро-кочевой киборг – персонаж из книги У. Митчелла [Mitchell 2003], – казалось бы, обретший свою номадическую свободу, в отличие от средневекового безумца, беспрепятственно пересекающий границу между реальным и виртуальным [Яковлева 2021: 523], парадоксальным образом оказывается изолированным от жизни, запертым в сетевом пространстве и прикованным к экрану. Такое состояние можно считать симптомом пребывания в виртуальном гетто.

Подходы к определению виртуальных гетто

Исторически под гетто подразумевается территория сегрегации, где надлежало проживать еврейскому населению [Ghetto]; сегодня значение термина гораздо шире: речь может идти о сегрегации любой группы людей и в любом типе пространства. С развитием виртуальной среды урбанистический феномен распространился и на паттерны функционирования виртуальных сообществ.

В русскоязычной гуманитаристике понятие виртуального гетто фактически не концептуализировано и представляет собой лакуну. В англоязычных исследованиях компьютерно-опосредованной коммуникации можно обнаружить взаимодополняющие, но не всеобъемлющие концепции виртуальной геттоизации. Многие авторы признают наличие замкнутых пространств внутри Сети и закрытых виртуальных сообществ, но сам термин слабо эксплицируется, хотя довольно распространен и используется исследователями интернет-практик интуитивно (как, например, в работе Г. Ловинка и Н. Росситера, которые упоминают геттоизацию как угрозу развитию социальных сетей, но не предлагают ее четкой дефиниции [Lovink, Rossiter 2018]).

Определяя это понятие, во-первых, логично основываться на аналогии между гетто виртуальными и урбанистическими. Связь архитектуры и телекоммуникаций городов с виртуальными пространствами прослеживается в многочисленных работах [Graham 1999; Moss, Townsend 2000; Lee 2005]. В рамках этого подхода сформировалось понятие сетевого гетто как изолированного урбанистического пространства, не имеющего доступа к глобальным телекоммуникациям или сильно ограниченного в доступе по сравнению с технологически развитыми территориями. Здесь геттоизация сопряжена с проблемами оснащения городов средствами волоконно-оптической связи; исключенные из этого процесса зоны рискуют превратиться в места с ограниченной возможностью использования инфраструктуры связи, что, по мнению авторов, приводит к социальному неблагополучию. Таким образом, географическое пространство выступает фундаментом развития цифровых технологий, что делает его первостепенным фактором социальных трансформаций; существующие элементы пространственной инфраструктуры

усиливают влияние новых телекоммуникационных технологий и в то же время сами находятся под воздействием технологических сил [Lee 2005]. Неравномерное распространение передовых технологий незаметно становится причиной геттоизации того или иного локуса в организации городского пространства [Graham 1999]. Есть смысл закрепить за таким пониманием феномена изолированности территории от Интернета термин «сетевое гетто».

С этой точки зрения гетто выступают как образования, возникшие из-за внешних ограничений, распространяемых на цифровые ресурсы. Сюда можно отнести не только отсутствие покрытия телекоммуникационными сетями той или иной зоны, но и феномен, известный как система фильтрации информации, которая блокирует ресурсы, не проходящие цензуру, а также предотвращает доступ к чужим, например иностранным, онлайн-сообществам. Так пользователи замыкаются в одной «песочнице», не имея выхода к другим пулам. Это явление получило известность в 1990-х гг. как «балканизация» Сети [Van Alstyne, Brynjolfsson 2005], альтернативный термин – Splinternet, «Сплинтернет», «расщепленный Интернет», от англ. splinter – щепка. Гетто, функционирующие в условиях «балканизации», отличаются от сетевых гетто наличием доступа хотя бы к какой-то части глобальной информационной сети или к региональной сети, но в основе их формирования лежит тот же принцип – отсутствие или ограничение доступа извне.

Во-вторых, можно утверждать, что существует геттоизация, инициируемая программными кодами ресурсов, сортирующих и предлагающих информацию на основе прошлых выборов пользователей. Основываясь на количестве «кликов» по определенному типу публикаций (конкретных авторов, тематики, стилистики и т. д.), времени пребывания на платформе и прочих факторах, алгоритмы реагируют на предпочтения пользователей тем, что ранжируют контент в поисковой выдаче таким образом, чтобы максимально удовлетворить информационные потребности индивида, исходя из его предыдущих запросов. «Это проблема так называемого “информационного пузыря”, в котором оказывается большая часть аудитории социальных сетей, где коммуникация уже давно не сводится только к обмену сообщениями. <...> Будет происходить культивация одной точки зрения на проблему/событие, и у коммуниканта, находящегося в кругу единомышленников, будет складываться ложное ощущение осведомленности, приводящее к замыканию в ограниченном пространстве виртуального гетто» [Вавилова, Товмасын 2021: 239–240].

С одной стороны, этот «информационный пузырь» создается на основании действий самого пользователя, имеющего и реализующего свободу выбора в сетевом пространстве. Однако при этом его желания и предпочтения формируются путем искусственного ограничения рекомендательными алгоритмами; человек «подгоняется» под форматы, диктуемые искусственным интеллектом [Фатенков 2022: 82]. Такое понимание виртуальной геттоизации наталкивает на мысль, что, возможно, это не стихийный процесс, а целенаправленные действия по фрагментации общества. Цифровая платформа – это бизнес-модель; социальные сети, например, имеют тенденцию регрессировать в гетто самоутверждения, где пользователям комфортно среди «друзей», где в привычном окружении можно скрыться от конфликтов и врагов; тем самым инфраструктура взаимодействия превращается в выгодное предприятие для владельца ресурса, который может

использовать дружескую атмосферу внутри гетто в целях монетизации, распространения выгодной информации и т. д. [Lovink, Rossiter 2018].

Наконец, виртуальное гетто определяется по аналогии с историческим как место, где человек заперт, заключен в какие-то рамки по национальному, религиозному или расовому принципу. Идентификация, лежащая в основу сегрегации, может иметь любое основание, например гендерное или возрастное – тот критерий, который позволяет разграничивать «своих» и «чужих». Любое виртуальное сообщество может стать гетто, если у его члена нет выхода в другие сферы интернет-пространства, независимо от причин, однако при таком понимании виртуального гетто физическая доступность внешнего по отношению к гетто кибермира сохраняется.

Этот подход к определению виртуального гетто выдвигает на первый план поведенческие паттерны, не связывая их с пространственными характеристиками и квазипространственными структурами Сети. Здесь утверждается, что среда обитания пользователя превращается в гетто не из-за самого места (ресурса, платформы, сообщества в социальной сети и т. д.), а из-за образа действий пользователей, хотя гетто типа Южного Бронкса возникают на платформах Twitter или YouTube по тем же законам, что и гетто урбанистические. Вместо создания и поддержания сообществ, где можно общаться, творить или развивать бизнес, «резиденты» виртуальных гетто демонстрируют такое же бесконтрольное поведение, как в реальных гетто: разрушая все, атакуя оппонентов, распространяя слухи, выискивая грязь, оскорбляя других в течение многочасовых стримов [James 2021]. Подобная активность инициируется и поддерживается инфлюенсерами, лидерами мнений в своих гетто [Murthy *et al.* 2016]. Это пространство заключает индивида в рамках виртуального сообщества, изолирует от прочих групп пользователей через распространение паттернов социальной интеракции и выбор средств саморепрезентации, которые позволили бы ему вписаться в эту среду.

Здесь геттоизация протекает по субъективным причинам (например, из-за низкой информированности о наличии других коммуникационных площадок), часто связанным с географическими или социально-демографическими критериями, используемыми виртуальными ресурсами. Например, в коммуникационном пространстве социальной сети Myspace остаются представители этнических меньшинств и рабочих профессий; светлокоткие пользователи с высшим образованием со временем покинули платформу ради Facebook¹, хотя принципиальной разницы между этими ресурсами нет [Boyd 2009; Hargittai 2007]. В России подобная ситуация складывается на основе возрастной дифференциации: «обитая» больше десяти лет в социальной сети «Одноклассники», среднестатистический пользователь не видит необходимости заводить аккаунт на молодежной платформе TikTok [Вавилова, Товмасын 2021: 239].

Такие механизмы геттоизации отличны от рассмотренных выше феноменов «расщепленного Интернета» и «информационного пузыря». Здесь изоляция основана на субъективных факторах: пользователю может быть комфортно в виртуальном окружении, поэтому он не стремится осваивать новые площадки и контактировать с представителями других сообществ. Одна из немногих работ

¹ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

на русском языке, упоминающих геттоизацию в цифровом пространстве, анализирует этот феномен с точки зрения воспроизводства и трансформации коммуникативных паттернов мигрантов из стран Центральной Азии в так называемых «цифровых диаспорах» («скейпах» или «константных узлах коммуникации»), зарождающихся и развивающихся на платформе русскоязычных социальных сетей [«Цифровые»... 2016].

Геттоизация здесь определяется как манифестация неприятия, как антагонистическая стратегия сохранения мигрантами лояльности прежней территории проживания, локус сплоченности и противостояния новому миру. Парадоксальная жизнь внутри, но вне нового сообщества порождает альтернативные образы-проекты идентичностей в условиях конкуренции виртуальных дискурсов, апеллирующих к лояльности со стороны мигрантов. Их двумерность, вхожесть в несколько сообществ, «гибридность» позволяет им нарушать границы гетто, при этом сохраняя свою идентичность; однако их мультилокализация в офлайн-пространстве связана с определенной маргинализацией в обоих сообществах («свой среди чужих, чужой среди своих»). Можно констатировать, что это классический пример виртуальной геттоизации, источник которой обнаруживается внутри самого сообщества, подпитываясь мотивами, установками, целями и ценностями его членов. Имея возможность выхода к иным сферам, они зачастую предпочитают пребывание в границах своего гетто, что психологически балансирует требования, предъявляемые к ним реальным миром, воспринимаемым чужим, глухим к их нуждам и потребностям.

Человек в виртуальном гетто

В рамках любого из рассмотренных подходов геттоизация предстает как негативный феномен, ограничивающий свободу человека, препятствующий получению нового опыта, лишаящий возможности удовлетворения коммуникационных и психологических потребностей. Философски виртуальное гетто – более широкое понятие, чем локальное технологическое явление, затрагивающее жизнь маргинальных групп. Это безысходность виртуальной коммуникации в целом, отсутствие перспективы выхода с периферии бытия, где человек прикован к месту, как в тюрьме или больнице, и не имеет возможности самостоятельно принимать решения относительно того, чем заниматься, с кем общаться, как поступать: «...экзистенция современного человека – это бытийствование того, кто лишен пространства, существование бездомного, пытающегося обрести дом, но вынужденного пребывать на периферии большую часть своей жизни» [Вавилова 2019: 34].

С этой точки зрения каждый может стать маргиналом; в дискурсе виртуальности это означает существование на попечении, без возможности сделать жизненный выбор, принять самостоятельное решение [Носов 2000: 53]. Так, в период пандемии многие ощутили безысходность и тяжесть ритуала: чтение почты, необходимость реагировать на лавину сообщений, видеоконференции по работе, просмотр страниц социальных сетей. Замкнутость в одних и тех же «окнах», мало отличающаяся от замкнутости в квартире. Ощущение напрасной работы, потраченного зря времени, бесплодности своих усилий. Замкнутость и центрированность в своей кибервселенной, в личном аккаунте как в маленьком мирке – это попытка сбалансировать пребывание на периферии жизни общества в тяжелые

периоды тотальной изолированности всего и всех, компенсировать расколотость бытия, заполнить его пустоты новым содержанием, которое можно разделить с другими обитателями виртуального сообщества.

Сетевое бытие не требует изоляции человека от общества, поскольку Сеть – это среда интерсубъективности, где даже традиционный досуг, такой как чтение книги, из интимной беседы читателя и писателя превращается в виртуальный полилог: текст обрастает отзывами, комментариями, гиперссылками, знаками одобрения или неодобрения – всевозможными атрибутами виртуальной социальности. Авторы книги «Связанные одной сетью» раскрывают диалектичность этого механизма: в Сети растворяются индивидуальные привязанности, мнения, предпочтения, ценности, так что индивид уже не может разобраться, почему ему нравится вещь, фильм, новый президент... [Christakis, Fowler 2010]. Часто привлекательными их делает именно гипертекстуальный шлейф, мнения и реакции членов виртуального сообщества. Это один из симптомов того, что сегодня, по мнению современных философов, исследователей виртуальной реальности, идентичность определяется принадлежностью к виртуальным сообществам в гораздо большей степени, чем к реальным [Мамедова 2021: 80].

Невозможность отграничить личное пространство от общественного может восприниматься как крушение равновесия между человеком и его окружением. Поэтому часто замкнутость в виртуальном гетто, обреченность на маргинализацию обретает черты фаталистического оптимизма; принятие индивидом геттоизации ведет к удобству, освобождает его от ответственности за сделанный выбор, перекладывая ее на социум. Пребывание в гетто дает человеку комфорт привычности, освобождая от необходимости выбирать и от обязанности нести ответственность за свой выбор.

Если сравнивать нахождение индивида в гетто реальном и виртуальном, можно сделать ряд выводов. В реальном гетто у человека, как правило, четко задана идентичность (еврей, чернокожий и т. д.), в виртуальности она размыта; в этом видится выход из ситуации изоляции – пластичность, ризоморфность виртуальной идентичности позволяет осуществлять поиск новых коммуникативных узлов или формировать сообщества, основанные не на критериях сегрегации, а на объединяющих основаниях. Хотя фактор сплочения сообщества выступает фильтром для «чужих», плюралистичность идентичности позволяет пользователю мигрировать по платформам – в таком случае они теряют статус гетто. Когда номаду открыта тысяча плато, это свобода. Современное онлайн-пространство – это номадическая среда, квинтэссенция детерриториализации, в терминах Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Ризоморфность этого пространства, быстрота перехода между локусами – гарантия того, что человек, митчелловский электро-кочевой киборг, будет с легкостью осуществлять свои номадические практики, даже являясь прикованным к определенной физической локации. Конечно, это не поможет автоматически преодолеть внутренние барьеры на пути человека к новому, перестроить устоявшиеся паттерны взаимодействия и сбросить груз принятых в прошлом решений, однако открытый горизонт и возможность заглянуть за него – первый шаг на пути из виртуального гетто.

Литература

- Агапов О. Д. Интерпретация как практика автопоззиса человеческого бытия. Казань : Познание, 2009.
- Вавилова Ж. Е. Конструирование идентичности в условиях виртуализации общества: дис. ... канд. филос. наук. Казань: КФ(П)У, 2019.
- Вавилова Ж. Е., Товмасын Н. Т. Виртуальное гетто и джентрификация: манифестации неравенства в современном цифровом пространстве // Социальное неравенство и социальная справедливость в российском обществе: содержательный и коммуникативный аспекты: сб. науч. трудов. Всероссийская научно-практическая конференция, Ульяновск, 29–30 октября 2021 г. Ульяновск : Ульяновский гос. тех. ун-т, 2021. С. 237–243.
- Мамедова Н. М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. № 39(3). С. 74–85.
- Носов Н. А. Виртуальная психология. М. : Аграф, 2000.
- Фатенков А. Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии «комфортной» тоталитарности // Век глобализации. 2022. № 1(41). С. 72–85.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Унив. кн. : Рудомино, 1997.
- «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей / науч. ред. И. П. Кужелева-Саган. Томск : ИД Томского гос. ун-та, 2016.
- Яковлева Е. Л. К проблеме фрагментарности бытия электронного кочевника // Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2021. С. 522–528.
- Boyd D. The Not-So-Hidden Politics of Class Online [Электронный ресурс] : Personal Democracy Forum. New York. 2009. June 30. URL: <https://www.danah.org/papers/talks/PDF2009.html> (дата обращения: 24.10.2021).
- Christakis N., Fowler J. Connected: The Amazing Power of Social Networks and How They Shape Our Lives. London : HarperCollins, 2010.
- Chumakov A. N., Yurchenko P. S. Global Pandemic in Terms of Objective Causes and Subjective Speculations // Journal of Globalization Studies. 2021. No. 12(2). Pp. 157–168.
- Ghetto [Электронный ресурс] : Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/ghetto> (дата обращения: 18.07.2022).
- Graham S. Global Grids of Glass: On Global Cities, Telecommunications and Planetary Urban Networks // Urban Studies. 1999. No. 36(5–6). Pp. 929–949.
- Hargittai E. Whose Space? Differences among Users and Non-users of Social Network Sites // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. No. 13(1). Pp. 276–297.
- James S. The Virtual Ghetto. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://anchor.fm/shawn-james89> (дата обращения: 20.11.2021).
- Lee S. Telecommunications, Spatial Infrastructure, and Spatial Interaction: Looking through the Case of Seoul // Global Media Journal. 2005. No. 4. Pp. 31–45.
- Lovink G., Rossiter N. Organization after Social Media [Электронный ресурс] : Minor Compositions Info. 2018. June 18. URL: <https://www.minorcompositions.info/?p=857> (дата обращения: 18.07.2022).

Mitchell W. J. Me++: The Cyborg Self and the Networked City. New York : MIT Press, 2003.

Moss M., Townsend A. How Telecommunications Systems are Transforming Urban Spaces // Cities in The Telecommunications Age: The Fracturing of Geographies. New York : Routledge, 2000. Pp. 31–41.

Murthy D., Gross A., Pensavalle A. Urban Social Media Demographics: An Exploration of Twitter Use in Major American Cities // Journal of Computer-Mediated Communication. 2016. No. 21(1). Pp. 33–49.

Van Alstyne M., Brynjolfsson E. Global Village or Cyber-Balkans? Modeling and Measuring the Integration of Electronic Communities // Management Science. 2005. No. 51. Pp. 851–868.

References

Agapov O. D. Interpretatsiya kak praktika avtopoezisa chelovecheskogo bytiya [Interpretation as a Practice of Autopoiesis of Human Being]. Kazan : Poznaniye, 2009.

Vavilova Zh. E. Konstruirovaniye identichnosti v usloviyakh virtualizatsii obshchestva [Constructing Identity in a Virtualized Society]: Ph.D. thesis. Kazan : KF(P)U, 2019.

Vavilova Zh. E., Tovmasyan N. T. Virtualnoye getto i dzhentifikatsiya: manifestatsii neravenstva v sovremennom tsifrovom prostranstve [Virtual Ghetto and Gentrification: Manifestations of Inequality in Modern Digital Space] // Sotsial'noye neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' v rossiyskom obshchestve: sodержatel'nyy i kommunikativnyy aspekty [Social Inequality and Social Justice in Russian Society: Meaning and Communication Aspects]: collection of scientific papers. All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, October 29–30, 2021. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University Press, 2021. Pp. 237–243.

Mamedova N. M. Chelovek v epokhu tsifrovizatsii: na grani real'nogo i virtual'nogo [Man in The Era of Digitalization: On The Verge of Real and Virtual] // Vek globalizatsii. 2021. No. 39(3). Pp. 74–85.

Nosov N. A. Virtual'naya psikhologiya [Virtual Psychology]. Moscow : Agraf, 2000.

Fatenkov A. N. Tsifrovoye obshchestvo: tsivilizatsiya na stadii "komfortnoy" totalitarnosti [Digital Society: Civilization at the Stage of "Comfortable" Totalitarianism] // Vek globalizatsii. 2022. No. 1(41). Pp. 72–85.

Foucault P.-M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu [Madness and Civilization]. St. Petersburg : Univ. kn. : Rudomino, 1997.

"Tsifrovyye diaspori" migrantov iz Tsentral'noj Azii: virtual'naya setevaya organizatsiya, diskurs "voobrazhaemogo soobshchestva" i konkurentsia identichnostey ["Digital Diasporas" Of Migrants from Central Asia: Virtual Network Organization, Discourse of "Imaginary Community" and Competition of Identities] / ed. by I. P. Kuzheleva-Sagan. Tomsk : Tomsk State University Press, 2016.

Yakovleva E. L. K probleme fragmentarnosti bytiya elektronnoy kochevnika [On The Problem of Fragmentation of Being an Electronic Nomad] // Vektor razvitiya upravlencheskikh podkhodov v tsifrovoy ekonomike [Vector of Development of Managerial Approaches in Digital Economy]: Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan, 2021. Pp. 522–528.

- Boyd D. The Not-So-Hidden Politics of Class Online // Personal Democracy Forum. New York. 2009. June 30. URL: <https://www.danah.org/papers/talks/PDF2009.html> (accessed: 24.10.2021).
- Christakis N., Fowler J. Connected: The Amazing Power of Social Networks and How They Shape Our Lives. London : HarperCollins, 2010.
- Chumakov A. N., Yurchenko P. S. Global Pandemic in Terms of Objective Causes and Subjective Speculations // Journal of Globalization Studies. 2021. No. 12(2). Pp. 157–168.
- Ghetto // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/ghetto> (accessed: 18.07.2022).
- Graham S. Global Grids of Glass: On Global Cities, Telecommunications and Planetary Urban Networks // Urban Studies. 1999. No. 36(5–6). Pp. 929–949.
- Hargittai E. Whose Space? Differences among Users and Non-users of Social Network Sites // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. No. 13(1). Pp. 276–297.
- James S. The Virtual Ghetto. 2021. URL: <https://anchor.fm/shawn-james89> (accessed: 20.11.2021).
- Lee S. Telecommunications, Spatial Infrastructure, and Spatial Interaction: Looking through the Case of Seoul // Global Media Journal. 2005. No. 4. Pp. 31–45.
- Lovink G., Rossiter N. Organization after Social Media // Minor Compositions Info. 2018. June 18. URL: <https://www.minorcompositions.info/?p=857> (accessed: 18.07.2022).
- Mitchell W. J. Me++: The Cyborg Self and the Networked City. New York : MIT Press, 2003.
- Moss M., Townsend A. How Telecommunications Systems are Transforming Urban Spaces // Cities in The Telecommunications Age: The Fracturing of Geographies. New York : Routledge, 2000. Pp. 31–41.
- Murthy D., Gross A., Pensavalle A. Urban Social Media Demographics: An Exploration of Twitter Use in Major American Cities // Journal of Computer-Mediated Communication. 2016. No. 21(1). Pp. 33–49.
- Van Alstyne M., Brynjolfsson E. Global Village or Cyber-Balkans? Modeling and Measuring the Integration of Electronic Communities // Management Science. 2005. No. 51. Pp. 851–868.